

Народная артистка РСФСР, Ольга Николаевна Андровская и заслуженный артист РСФСР Михаил Михайлович Яншин.

МОСГОРСПРАВКА МОСГОРИСПОЛ
Отдел газетных вырезок
Чистопрудный бул. 2 Телефон

Вырезка из газеты

ВЕЧЕРНЯЯ

от

23 МАЯ 41

Москва

Газета №

К ИТОГАМ
СЕЗОНА
В МОСКВЕ

Андровская и Яншин

В СПЕКТАКЛЕ «ШКОЛА ЗЛОСЛОВИЯ»

КОГДА я думаю об исполнении М. М. Яншиным роли сэра Питера Тизл в комедии Шеридана «Школа злословия», прежде всего мне приходит в голову мысль об уважении.

Яншин замечательно играет сэра Питера, он, как принято говорить, сросся с ролью, вжился в образ, он великолепно, с подлинным актерским мастерством перевоплотился в этого пожилого сэра Питера, нелепого человека, смешного в своем гневе, находящегося под башмаком у своей жены — леди Тизл, — которая намного моложе его и которая кажется совсем его не любит.

Да, все это так. Это верно. Но только отчасти. Основное зерно, сущность игры Яншина я вижу в том, что актер Яншин уважает сэра Питера Тизл из комедии Шеридана.

Мы часто отмечаем, что тот или иной актер любит изображаемого им героя. И правильно делаем, что отмечаем. Любить — это очень важно. Но не менее важно и уважать. Яншин уважает сэра Питера. Что это значит? Да очень просто. Яншин верит, что все переживания сэра Питера — настоящие, подлинные душевные переживания. Ни разу за весь спектакль не усумнился в этом Яншин, и нет поэтому в игре его ни одной фальшивой интонации, ни одного пустого жеста.

Какие богатые возможности открылись перед актером, которому предстояло играть обманутого старо-

го мужа. Сколько трюков можно было бы придумать, сколько смеха вызвать в зрительном зале. Но это означало бы, что актер Яншин просто посмеялся над сэром Питером. И только.

Но ведь актер Яншин все равно подсмеивается над изображаемым им сэром Питером. Яншин, я бы сказал, весь спектакль смотрит на сэра Питера слегка прищуренным, проницательным глазом. Но за всем этим — подлинное уважение к поступкам и переживаниям сэра Питера. Ирония вовсе не пропала. Больше того, она потому такая красочная, такая театральная, что Яншин верит сэру Питеру.

Это и есть искусство, подлинное, честное, нескромное, не лицемерное искусство, которое отнюдь не искусство, а искренность, следовательно ложь. Яншин уважает сэра Питера, и только этим он завоевывает себе право над ним посмеиваться, а следовательно завоевывает право играть по-настоящему комедийно. Яншин уважает сэра Питера, а зритель уважает Яншина. Яншин признал сэра Питера человеком, зрительный зал признал Яншина актером.

Поэтому увлекаемый актерским мастерством Яншина замирает зрительный зал, когда плачет сэр Питер, обиженный до глубины души своей женой. Поэтому зритель как бы подталкивает сэра Питера, когда он идет мириться с леди Тизл. Зритель участвует всей душой в том,

что происходит на сцене. Он видит, он верит, что его не обманывают.

Это и есть подлинный театр.

А стоило ли вызывать у зрителя душевное волнение за судьбу сэра Питера, стоило ли показывать, что обманутый муж — это совсем не смешно, а страшно, что обманутый муж — это прежде всего обманутый человек? Не нарушилась ли благодаря этому комедийность спектакля? Я думаю, что по этому поводу можно сказать так: только потому, что так сыграл Яншин роль сэра Питера, и получился интересный комедийный спектакль. А доказательством этого утверждения является то, что очень много и неподдельно весело смеется зритель на этом спектакле. Зритель не смеется только там, где нужно плакать. В этом заслуга Яншина, в этом заслуга Н. М. Горчакова, с большим мастерством и вкусом поставившего спектакль.

А сколько у нас таких комедийных спектаклей, на которых зрители заставляют смеяться там, где он, зритель, должен был бы задуматься!.. Это не искусство. Это обман. В комедии жизненная правда вовсе не может быть узурпирована. Комедия вовсе не есть некий умышленный жанр, в котором разрешается лгать и вообще все разрешается, как полагают некоторые весьма наивные люди. Яншин, создавая образ сэра Питера, помнил только о жизненной правде. Только к ней стремился. Он как бы забыл, что играет комедию, и поэтому его исполнение роли сэра Питера вышло одним из лучших комедийных исполнений советского театра.

Леди Тизл (О. Н. Андровская) не любит мужа — сэра Питера. В голове леди Тизл много сумасбродства. Леди Тизл всецело находится

под влиянием леди Сноруэл, председателя академии злословия, подлейшей женщины. Леди Тизл пришла на любовное свидание к ничтожному, гаденькому Чарльзу Серффесу. И тут встретила она сэром Питером. Леди Тизл не стала лгать и притворяться. Она сказала правду сэру Питеру. Она увидела его глаза, полные горя. Она поняла все различие между ним, благородным и честным, и подленьким Чарльзом Серффесом.

Впервые стала леди Тизл человеком, выросла сразу, из пустыньки кокетки превратилась в умную женщину.

Очень трудная роль.

Могла ли стать человеком леди Тизл так, вдруг, если бы в ней не были задатки подлинного человека с первого ее появления перед зрителем? Конечно нет. Это было бы только эффектно, только театрально. В этом не было бы правды. Но ведь до момента перерождения леди Тизл в роли как будто совсем нет материала, на котором можно было бы показать задатки человека в леди Тизл. До момента перерождения она сварлива, жестока, предельно эгоистична.

Можно было бы пойти только на эффект, на театральность без правды. Но тогда сцена перерождения леди Тизл была бы сентиментальной, слащавой, приторной. Эта сцена может быть вызвала бы слезы у зрителей, но она никогда не вызвала бы душевного волнения, которое вызывается только подлинной драмой и которое враждебно сентиментализму.

Артистка О. Н. Андровская не пошла на это. С первого момента мы видим леди Тизл грубую, эгоистичную, сумасбродную, но за всем этим мы угадываем в ней человека

с хорошим сердцем. Андровская играет, не соблюдая, так сказать, пропорций, она играет смело, обнаруживая этим подлинный талант. Она подводит зрителя к грани. Вот вот мы не поверим в хорошие душевные задатки леди Тизл, так холодно и жестоко обращается она с нежно влюбленным в нее сэром Питером. И на какую-то долю времени мы не верим. Андровская, повторяю, играет, не соблюдая пропорций между добром и злом, она играет крупно, широко.

Леди Тизл, сидя за ширмой в квартире Чарльза Серффеса, слышит, как сэр Питер говорит о том, что он составил завещание в ее пользу. Этим Шеридан хотел содействовать перерождению леди Тизл. Мне кажется, что Андровской эта часть разговора с Чарльзом Серффесом совсем не нужна. Андровская сыграла сложную леди Тизл, многогранную леди Тизл. И в том, что леди Тизл в исполнении Андровской стала человеком, в том, что она признала сэра Питера, завещание, составленное сэром Питером, не сыграло никакой роли. Тут Андровская пошла вразрез с Шериданом, тут она его победила. Только исключительное дарование позволяет на сцене облагораживать изображаемых людей, делать их сложнее, душевно богаче, чем они даны драматургом.

Выше я упоминал о честности. Мне кажется, что спектаклем «Школа злословия» Художественный театр еще раз продемонстрировал свое честное служение искусству. Во всем спектакле в соревновании театрального эффекта с правдой жизни — победа на стороне правды. И потому-то так подлинно эффектен этот замечательный спектакль.

Конст. Финн.